

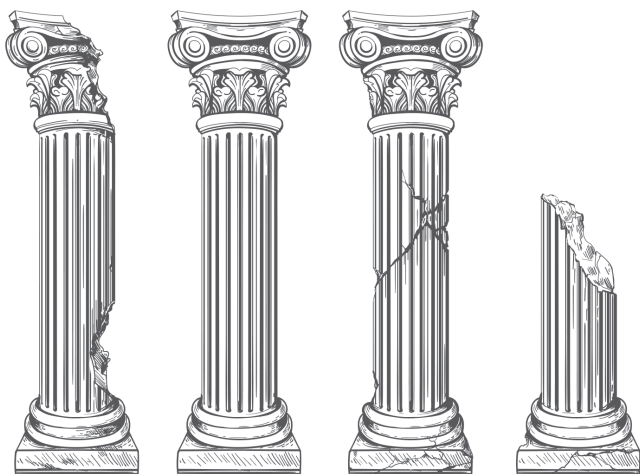
Содержание

УРОКИ ГРЕЧЕСКОГО	5
1	7
2. Молчание	13
3	35
4	43
5. Голос	51
6	75
7. Глаза	81
8	105
9. Полумрак	113
10	129
11. Ночь	137

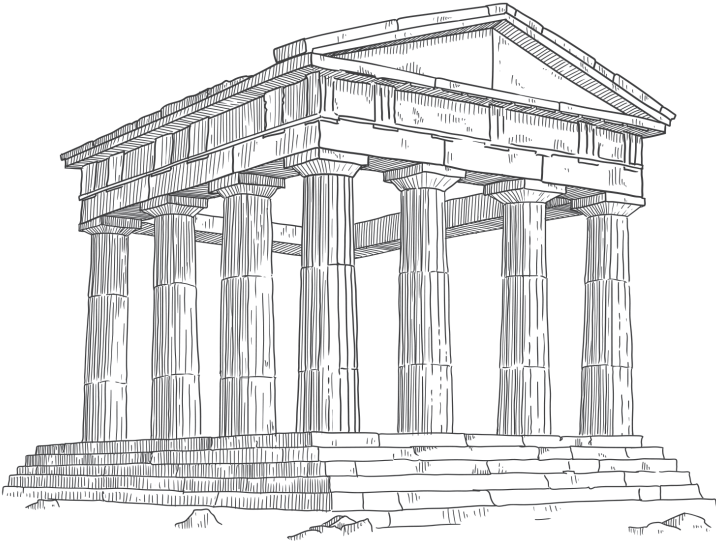
Уроки греческого

12	159
13	163
14. Лицо	171
15	195
16	199
17. Тьма	205
18	215
19. Разговор в темноте	221
20. Черные точки	261
21. Глубинный лес	277
○	281
Послесловие	284

Уроки греческого

1

«Между нами был кинжал» — такую надпись Борхес завещал оставить на его надгробии. Он попросил об этом Марию Кодаму — красивую и молодую японку смешанной крови. Она вышла замуж за восьмидесятисемилетнего прозаика и провела с ним его последние три месяца жизни. Хорхе хотел встретить свою смерть в городе, где он провел свою юность, — в Женеве.

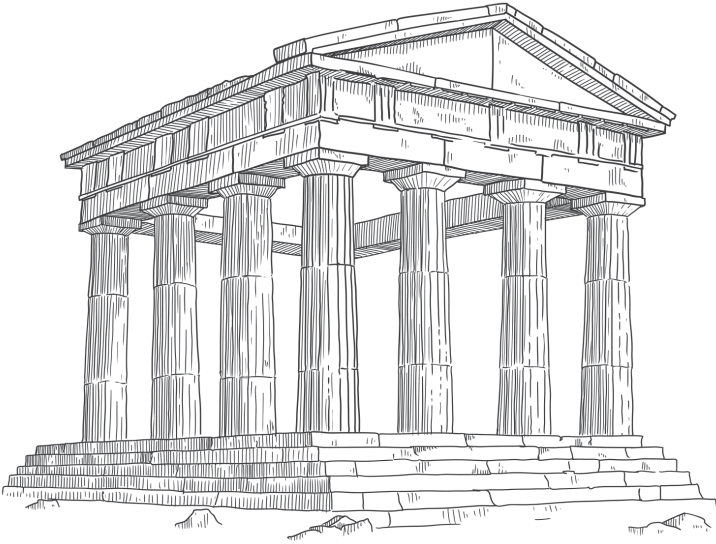
Один исследователь утверждал, что в этой цитате заложен глубокий смысл, что она — ключевой элемент к пониманию литературного мира Борхеса, и этот кинжал — символ пропасти между работами аргентинского прозаика и реалиями литературного мира того времени. Однако я воспринимаю эти слова иначе — как что-то крайне личное, не претендующее на величие.

Хан Ган

Это крошечное предложение Борхес позаимствовал из скандинавского эпоса. История повествовала о первой и последней брачной ночи мужчины и женщины. На постели до рассвета их разделял длинный кинжал. И в случае Борхеса он символизирует отчуждение, но вместо кинжала была до конца дней сопровождавшая его слепота, отделявшая от всего мира.

Мне довелось побывать в Швейцарии. Не в Женеве. Я посчитал, что вместо его могилы лучше посетить места, которыми Борхес бесконечно восхищался, когда еще был зрячим, — я побывал в библиотеке монастыря Святого Галла (как вчера помню чувство шероховатости на ступнях от шерстяных тапочек, которые просили надевать посетителей, чтобы сохранить в первоначальном виде тысячелетние коридоры), прокатился на пароме по озеру Люцерн и побродил до сумерек по альпийским ущельям, устланными тонким слоем льда. Я не делал фотографий, эти пейзажи остались лишь образами в моей памяти. Камере не запечатлеть звуки, запахи, прикосновения — но все это оставило след в виде воспоминаний, звуков, запахов, ощущений. Тогда между мной и миром еще не было «кинжала», поэтому этого было достаточно.

2

Молчание

Женщина сложила перед собой руки. Сморщив лоб, она подняла взгляд на доску.

— Так, теперь читаем, — сказал мужчина в очках с толстой серебряной оправой, сдерживая улыбку.

Она слегка облизала губы и задвигала ими. Ее руки быстро и бесшумно жестикулируют. Губы раскрываются и смыкаются, раскрываются и смыкаются. Она останавливает дыхание и делает глубокий вдох.

Мужчина, терпеливо ждавший ее ответа, подошел к доске и сказал:

— Читайте.

Веки женщины задрожали. Она захлопала глазами, слово какие-то насекомые неистово

махали крыльями. Казалось, будто каждый раз, открывая глаза, она надеялась оказаться в ином месте.

Глубоко пропитанными мелом пальцами мужчина поправил очки.

— Ну же, читайте.

На женщине были черный свитер с высоким воротником и черные брюки. Куртка, которую она повесила на стул, большая лоскутная сумка и шарф на ее шее тоже были черных оттенков — словно она только пришла с похорон, а ее невыразительное худое лицо напоминало глиняную маску, которую словно намеренно растянули.

В ней не было красоты или какой-то изюминки. И хотя взгляд ее был необычайно глубоким, но постоянно дергающиеся веки не давали другим это заметить. Своей одеждой будто бы пытаясь укрыться от мира, она распрямила свои плечи и спину. Ее ногти на пальцах были очень коротко подстрижены. На левую кисть была надета бархатная бордовая резинка для волос — единственное яркое пятно в ее образе.

— Давайте все вместе.

Мужчина перестал ждать ее ответа. Он пробежался взглядом по другим ученикам: сидевшему в одном ряду с девушкой молодому студенту, наполовину скрытому за колонной в кабинете мужчине средних лет и сидевшему у окна сутулому юноше крупного телосложения.

— «Эмос», «эметерос» — «мой», «наш».

Трое учеников тихо и застенчиво повторили за учителем.

— «Сос», «иметерос» — «твой», «ваш».

На ее взгляд мужчине за трибуной было уже больше тридцати пяти. Тело некрупное, отчетливые контуры губного желобка и бровей. В уголках губ играла слабая улыбка, сдерживающая эмоции. У вельветовой куртки насыщенного каштанового цвета на локтях были пришиты кожаные заплатки цвета охры. Из-под немного коротковатых рукавов выглядывают кисти рук. Женщина безмолвно вглядывается в его шрам, — тонкая еле заметная кривая линия от края левого глаза до краешка губ. Когда она впервые его увидела, его лицо, испорченное шрамом, напомнило ей старую кар-

Хан Ган

ту, на которой словно был помечен след когда-то давно стекшей слезы.

Скрытые за толстыми линзами зеленые глаза мужчины наблюдали за женщиной — ее губы были плотно сжаты. С губ сползла улыбка. Лицо потемнело. Быстрыми движениями он начинал писать на доске короткое предложение на древнегреческом, но не успел расставить ударения, как мелок падает, расколовшись пополам.

В прошлом году в конце весны женщина облокотилась о доску рукой, испачканной тем же белым мелом. Она утихомирила шумевших учеников, но не могла подобрать нужное слово на протяжении целой минуты. Женщина словно смотрела на что-то, но не на учеников, не на потолок и даже не на окна, а на что-то видимое только ей.

— С вами все в порядке? — спросила ученица с передней парты — у нее были кудрявые волосы и наполненные лаской глаза.

Девушка попыталась улыбнуться, но задержались лишь ее веки. Плотно сжатые губы за-

дрожали, но откуда-то глубоко, кажется, из самого горла вырвался едва слышный возглас:

— Снова оно.

Более сорока учеников начали переглядываться и перешептываться: «Что с ней?», «Что происходит?» Ей больше ничего не оставалось, кроме как покинуть помещение. Так она и поступила. Как только она вышла в коридор, шепот учеников резко разразился шумом таким громким, словно он исходил из колонок, и этот шум поглощал ее шаги по каменному коридору.

За примерно шесть лет после окончания университета девушка поработала в издательстве и редакторском бюро, а после она почти семь лет работала преподавателем литературы в столице — в двух университетах и одной старшей школе искусств. Периодичностью в три-четыре года она собирала большие сборники стихов — всего их пока три. Также она уже несколько лет пишет колонки для еженедельного литературного журнала. Она стала одним из основателей журнала о культуре (с названием которого все еще не определи-

лись), каждую неделю по средам посещала планерки. Но, поскольку «это» снова вернулось, пришлось все бросить.

У «этого» не было ни предвещавших признаков, ни причин.

Но за полгода до этого она потеряла свою мать. Пару лет назад развелась. Право на опеку своего девятилетнего сына потеряла после трех исков, и прошло уже пять месяцев, как он переехал жить к ее бывшему мужу. После этого она начала страдать от бессонницы, поэтому раз в неделю стала посещать полуседого психотерапевта. Он был в недоумении, когда девушка так упорно отрицала причины, вызвавшие это состояние.

«Нет, — писала она на листке, лежавшем на столе, — все не так просто».

Это был ее последний сеанс. Психотерапевт общался с ней в письменном виде, что занимало много времени, и помимо этой проблемы он просто не понимал ее. От его предложения познакомить ее с другим психотерапевтом, работающим с речевыми дефектами, она вежливо отказалась. И самое глав-

Уроки греческого

ное — она больше не могла себе позволить такого дорогого психотерапевта.

В детстве она была смекалистым ребенком. Ее мать в течение последнего года лечения от рака при каждой возможности напоминала ей об этом. Словно перед смертью мать хотела убедиться в том, что ее дочь это понимает.

Наверное, у нее был талант к языкам: уже в четыре года она самостоятельно выучила хангыль*. Еще даже не понимая принципа разделения гласных и согласных, она просто запомнила все по отдельности. Когда ее брат, передавая сказанное своим классным руководителем, объяснял ей структуру хангыля, ей было шесть лет. Это чувство было еле уловимым, но во вторую половину того весеннего дня она не могла перестать думать о гласных и согласных. Она присела на корточки во дворе и стала размышлять: «Получается, звук ㄴ в словах ㄴㅏ и ㄴㅑ немного отличается друг от друга? И звук ㄷ в словах ㄷㅏ и ㄷㅑ — тоже?..»

* Корейский алфавит.

Хан Ган

Про себя она складывала всевозможные дифтонги и тогда же поняла, что нет такого, где | шло бы первым звуком, а — — вторым, соответственно это и невозможно записать.

Эти крохотные открытия были для нее настолько будоражащими, что спустя около двадцати лет, когда психотерапевт попросил ее поделиться самым сокровенным воспоминанием, вспомнились солнечный свет в том дворе, где она присела на корточки, ощущение тепла от солнечного света на затылке и спине, начертанные на земле буквы и чудесное обещание, построенное еле объединенными фонемами.

В тот же период она пошла в школу и под впечатлением от этого опыта начала на задней странице дневника записывать слова. Без какой-либо цели или контекста — она просто записывала слова, которые впечатляли ее, и среди них выделялось слово 𐄂 [суп] — «лес». Это слово напоминало ей древнюю башню. Буква 𐄃 — это стилобат, 𐄄 — колонна башни, и 𐄅 — верхушка. Ей нравилось произносить это слово по буквам: сначала губы несколько суживались, потом сквозь них